
Арина Родионовна глазами фольклористов

Розов А.Н.,

*профессор, доктор культурологии,
ведущий научный сотрудник*

*отдела устного народно-поэтического творчества
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН*

В течение многих лет литературоведов и фольклористов в одинаковой степени интересуют две проблемы взаимоотношений А.С. Пушкина и няни: во-первых, роль Арины Родионовны в становлении человека и поэта, во-вторых, каков был ее репертуар – сказительницы и песенницы. При этом как литературоведам, так и фольклористам приходится действовать на предельно узком поле исследования, так как фактических данных имеется слишком мало. Скучные биографические сведения об Арине Родионовне, несколько стихотворений Пушкина, посвященных ей, два стихотворения его друга Николая Михайловича Языкова, письма поэта к друзьям и родственникам, отрывочные сведения о няне в воспоминаниях современников поэта – вот и всё.

Надо отметить, что, решая одинаковые проблемы, литературоведы и фольклористы пользуются несколько различными методиками исследования. Фольклористам более близка, понятна фольклорная стихия, менталитет народного исполнителя, наконец, в их распоряжении огромное количество фольклорных сборников и не только русских, в которых они могут найти песенные, сказочные варианты. Именно исследованиями связей сказок, песен Пушкина с фольклором, поисками их источников и близких вариантов в народном творчестве, изучением фольклорного репертуара Арины Родионовны, о чем будет сказано чуть позже, и занимались такие фольклористы, как Н.Ф. Сумцов¹, П.В. Шейн², В.Ф. Миллер³, Н.Н. Трубицын⁴, М.К. Азадовский⁵, Н.П. Андреев⁶, Ю.М. Соколов⁷, В.И. Чернышев⁸, И.П. Лупанова⁹, И.М. Колесницкая¹⁰, Т.В. Зуева¹¹ и др.

Рассмотрим в отдельности те фольклорные жанры, которые, по мнению фольклористов, входили в репертуар няни Пушкина.

Сказки. В.И. Чернышев отмечал, что увлечение взрослого Пушкина сказками, которые рассказывала ему прислуга, – это традиция, существовавшая еще и в пушкинские времена среди помещиков, живших в своих деревенских усадьбах. Об этом свидетельствуют многие источники, об этом же говорится и в повестях Белкина. Такая же традиция существовала и в XVIII веке как при дворах русских

цариц, так и среди помещиков.

Наибольшее число споров, которые идут и среди литературоведов, и среди фольклористов, касаются количества текстов, записанных Пушкиным от няни. Например, В.Ф. Миллер писал в 1899 году: «Мы не знаем точно число сказок, записанных Пушкиным. Но, несомненно, сюда принадлежат: 1) Сказка о женихе, переделанная поэтом в превосходную балладу; 2) О рыбаке и рыбке; 3) О царе Салтане; 4) О попе и работнике его Балде; 5) О мертвой царевне и о семи богатырях; 6) О золотом петушке. Другую свою запись он передал в 1831 году Жуковскому (Миллер. 25–26). Также от Арины Родионовны, по мнению Миллера, записана сказка «О купеческой дочери и разбойниках», которую поэт позже переработал в балладу «Жених». В черновых пушкинских бумагах сохранились в сжатом виде пересказы еще нескольких сказок. а) О Кашее бессмертном, его дочери и Иване царевиче; б) О царе, его неверной жене и царевиче (по-видимому, вариант из цикла Соломоновых сказаний); в) Затем три сказки с чертовщиной. По мнению, В.И. Чернышева, последние – не сказки, а три демонологических рассказа о проклятых детях.

А. Желанский был убежден, что если и не все сказки принадлежали к репертуару Арины Родионовны, то это нисколько не умаляет влияние няни на творчество Пушкина¹².

М.К. Азадовский рассматривает пушкинские записи народных сказок, известные в литературе как «Сказки Арины Родионовны». Для него они представляют собой раннюю фиксацию некоторых сюжетов, которые известны лишь в более поздних редакциях. Данные тексты также интересны «и как материал для характеристики индивидуальной художественной манеры того сказочника, от которого слушал их Пушкин, поскольку, конечно, это можно проследить при конспективном характере записей» («Сказки Арины Родионовны». С. 273). А это позволит судить, какое место в творчестве поэта занимали эти сказки и их носитель, т.е. – Арина Родионовна.

М.К. Азадовский поставил перед собой весьма сложную цель: воссоздать не только образ Арины Родионовны, но даже «установить в какой-то мере объем и характер ее репертуара, основные характерные черты ее сказительской манеры и ее индивидуального стиля» (Там же. С. 273–274). Сделать это достаточно сложно потому, что «сами эти записи не являются дословной передачей текста сказочницы, но имеют характер конспективный, часто даже схематичный. К счастью, в ряде случаев Пушкин сохраняет подлинные выражения народной сказки, – и это облегчает и вообще делает возможным дальнейший анализ» (Там же. С. 274).

Здесь уместно привести наблюдение П.В. Шейна о том, что песни, которые поэт записывал сам, он оставлял для своих будущих поэтических работ («заготовил, так сказать, впрок»), а песни же, заимствованные из сборников, использовал для

эпиграфов к своим прозаическим произведениям или даже к стихотворениям. Подобное суждение, на мой взгляд, очень интересно для выяснения методики работы поэта с фольклорными текстами, ибо так же он поступал и со сказками, записанными им от Арины Родионовны.

М.К. Азадовский, как опытный собиратель сказочного фольклора, обращает внимание на то, что некоторые тексты, записанные Пушкиным, явно свидетельствуют о том, что их исполнительница – женщина и именно Арина Родионовна. Такой вывод ученый делает на том основании, что, во-первых, некоторые эпизоды, которые обычно сказочниками-мужчинами передаются довольно откровенно и грубо, здесь явно смягчены, во-вторых, явно смягчены некоторые наказания, которым подвергаются отрицательные персонажи. О том, что сказки записаны от одного лица, свидетельствует, по мнению Азадовского, и «некоторое единство приемов повествования». После анализа текстов ученый констатирует, что «Арина Родионовна была не просто няней-рассказчицей, но выдающимся мастером-художником, одной из замечательнейших представительниц русского сказочного искусства» («Сказки Арины Родионовны». С. 287).

Любопытно, что фольклористы, также как и литературоведы, критиковали своих коллег за попытки принизить роль Арины Родионовны в жизни и творчестве Пушкина. Например, такой известный исследователь, как Ю.М. Соколов, чрезвычайно резко и без каких-либо аргументов, обвинил в этом М.К. Азадовского, напечатавшего в 1936 году в журнале «Литературный Ленинград» статью «Арина Родионовна или братья Grimm». Правда, в свою очередь, М.К. Азадовский не остался в долгу и через несколько месяцев раскритиковал Ю.М. Соколова за чрезмерное преувеличение роли библиографических моментов в эволюции Пушкина-поэта, за то, что тот, как и дореволюционные исследователи, объясняет любовь Пушкина к фольклору, к народному языку только влиянием «няни или бабушки, чем, конечно, невероятно суживалось и обеднялось всё значение этих фактов» («Пушкин и фольклор». С. 8). Интересно, что, ведя эту полемику, оба исследователя ссылаются на одного и того же раннего биографа Пушкина – П.В. Анненкова, но при этом Ю.М. Соколов приводит цитату из «материалов для биографии Пушкина», изданную в 1855 году, в которой Анненков прославляет Арину Родионовну, а М.К. Азадовский приводит высказывание Анненкова из книги «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху» (СПб., 1874), и здесь биограф пишет совсем иначе: «Арина Родионовна была, действительно, верным и усердным посредником в ознакомлении Пушкина с некоторыми примерами и мотивами народной фантазии, но, конечно, не её слабая и немощная рука указала поэту ту дорогу, на которой он теперь очутился: тут были указания другого порядка» (Там же. С. 8).

Н.П. Андреев считал, что Пушкин, создавая свои сказки, услышанные ранее в Михайловском от няни, дополнил их материалом других народов, например,

немцев в сказках «О рыбаке и рыбке», «О царе Салтане», «О мертвой царевне и о семи богатырях», и это делает данные произведения глубоко интернациональными. Сохранение Пушкиным конспективных записей сказок Арины Родионовны – свидетельство того, что «позднейшие пушкинские сказки были построены, конечно, не только на немецких источниках» (Андреев. С. 54).

Для В.И. Чернышева Арина Родионовна – важнейший источник знакомства Пушкина с русскими сказками. Он же пишет о малоизученности сказок Пушкина, несмотря на довольно солидное количество работ о них. И главная причина этого, по его мнению, – недостаточность собранных сказочных вариантов. В.И. Чернышева также не устраивает изучение пушкинских сказок в историко-сравнительном плане (например, работы Яворского, Сумцова). «Таким образом, – пишет ученый, – авторская задача, которую ставил поэт, план и построение его повествования, стиль, язык, ближайшие литературные источники – всё это оставалось за пределами исследователей этой школы» (С. 283).

Былины. В стихотворении «Сон» упоминаются лихие Полканы и Добрыни, Муромские пустыни. Н.Ф. Сумцов почему-то видит в упоминании «Муромских пустыней» свидетельство того, что речь идет о былинных, но ни в одном былинном тексте нет сочетания «Муромские пустыни», только – «Муромские леса», да и слово пустыня явно не присуще фольклорному произведению, это безусловно книжное слово, о чем писал Л.Н. Майков в примечании ко «Сну» в собрании сочинений Пушкина. Однако Сумцов не соглашается с доводами Майкова и остается при своем мнении, ибо Пушкин, как правило, «правдиво указывал на свои литературные источники, и в настоящем случае упоминание о Добрыне и Муромских пустынях прямо приурочено им к воспоминаниям о няне. Весьма вероятно, что няня не былины сказывала, а былевые сказки, где, как известно, встречаются значительные отступления от песенного текста былин».

Апокрифические духовные стихи. Они упоминаются в стихотворении «Сон», в котором няня ночью молитвой уклоняет от своего воспитанника духов, по мнению Н.Ф. Сумцова (1900), «молитва» для уклонения духов – это апокриф.

Н.Ф. Сумцов же приводит отрывок из письма Пушкина Вяземскому от 9 ноября 1826 года, в котором он пишет, что няня, испугавшись за судьбу воспитанника, выучила наизусть новую молитву об умирении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитву, вероятно, сочиненную при царе Иване». По мнению Сумцова, это, скорее всего, апокрифическая молитва, варианты которой имеются в сборниках заклинаний Л.Н. Майкова и П.С. Ефименко. Ту же точку зрения высказал и Ю.М. Соколов (1937), который привел и текст молитвы-заклинания из сборника Л. Майкова, взятый из рукописи XVIII в.

Обрядовый фольклор. В главе «Народно-поэтические мотивы в сочинениях Пушкина» Н.Ф. Сумцов делает очень интересное наблюдение. Он пишет, что в

1830-е годы русские писатели проявили большой интерес к сказкам, «благо, материал был под рукой, почерпался из ближайшего к помещичьему быту народного источника, няньки»; в то же время, календарно-обрядовый фольклор в их «барские хоромы» не проник, так как исполнялся исключительно крестьянами, а не дворовыми (например, жатвенные песни или колядки). Здесь речь идет о специфике репертуара дворовых людей, и она до сих пор не изучена.

Былички. Н.Ф. Сумцов (1900), считал, что прообразом нянь Ольги и Татьяны Лариной была Арина Родионова, ибо няня Татьяна говорит ей, что когда-то знала много «старинных былей, небылиц / Про злых духов и про девиц...». В стихотворении «Сон» упоминаются «демонологические» сказки о волшебниках и мертвецах, о которых рассказывается шепотом.

Предания. В.И. Чернышев пишет о том, что Арина Родионова «рассказывала Пушкину... семейные предания о его предках Ганнибалах и других родных и знакомых лицах, повести сказочно-бытового и демонологического характера: о разбойниках, привидениях, домовых, русалках и т.д.» (С. 279). Действительно, в стихотворении «Сон» поэт рассказывает, как в детстве няня, перекрестив его, шепотом рассказывает ему о мертвецах. Очевидно, что Чернышев взял информацию о том, что няня рассказывала семейные предания о предках поэта, – из стихотворения Н.М. Языкова «К няне А.С. Пушкина». Здесь говорится, что Арина Родионова занимала самого поэта и его гостей «Про старых бар пленительным рассказом, / Мы удивлялись почтенным их проказам». В другом своем стихотворении «На смерть няни А.С. Пушкина» Языков опять вспоминает о рассказах Арины Родионовны про старинный помещичьей быт. По мнению ряда фольклористов, например Ю.М. Соколова, судя по отзывам самого Пушкина и его друзей и биографов, Арина Родионова была блестящим мастером-рассказчиком.

Шутки, приговорки, небылицы. Об этих малых жанрах фольклора Пушкин говорит в стихотворении «Сват Иван», написанном в 1833 году уже после смерти Арины Родионовны, но Н.Ф. Сумцов предполагает, что под именем умершей Пахомовны поэт имел в виду свою покойную няню. В стихотворении же говорится и о «былинах православной старины», но думаю, что это не былины, а всего лишь предания.

Повесть о Бове. Еще в лицейский период Пушкин работает над поэмой «Бова», о которой он упоминает в стихотворении «Сон», написанном в 1816 году. Здесь «мамушка», то есть Арина Родионова, рассказывает мальчику «о подвигах Бовы». О Бове рассказывала своей воспитаннице Ольге Лариной и ее няня, которая, как уже отмечалось, могла быть прообразом Арины Родионовны. Напомню, что эта очень популярная в те времена повесть первоначально представляла собой средневековый роман, известный среди ряда европейских народов, а затем проникнувший в Россию, где стал чрезвычайно распространенным в народной среде и

спустя некоторое время бытовавший уже в сказочно-народной форме. Позднее, в 1822 году, Пушкин снова пытается вернуться к поэме, создав даже ее план. Об этом писал Н.П. Андреев (С. 52).

Песни. Как известно, Пушкин, как и большинство собирателей того времени, не паспортизовал свои записи песен, поэтому мы никогда не узнаем, какие из них он записал от своей няни, и остается лишь обратить внимание на стихотворение «Зимний вечер», в котором упомянуты две песни из репертуара Арины Родионовны.

П.В. Шейн, комментируя песни, упоминаемые в стихотворении «Зимний вечер», отмечает, что данные песни еще в допушкинское время бытовали как «в народе, так и среди дворовых и даже поместных помещиков» (Шейн. С. 18). Он находит в антологии А.И. Соболевского шесть вариантов из печатных и рукописных песенников. Здесь, на наш взгляд, очень важно замечание о репертуаре дворовых людей. В стихотворении «Зимний вечер...» Пушкин, обращаясь к подружке «бедной юности моей», говорит: «Спой мне песню, как синица / Тихо за морем жила, / Спой мне песню, как девица / За водой по утру шла». Шейн считал, что эти две песни были широко распространены еще с XVII века. Их пели и простой народ, и дворовые, и даже дворяне.

В антологии А.И. Соболевского «Великорусские песни» (т. 3) первая из упомянутых песен опубликована в шести вариантах. Три из них взяты из рукописных сборников XVII века, один из печатного сборника 1780 г.; два записаны в первой половине XIX века. Зачин трех вариантов одинаков: «На море синичка не пышно была...»; два текста начинаются со слов: «За морем синичка не пышно жила»; наконец, один вариант начинается со слов: «За морем синичка богатая жила...». Шейн обращает внимание на то, что только у Пушкина сказано: «Как синица тихо за морем жила...». Это либо «вариант, подслушанный им где-нибудь в народе, или это изменение сделано потом».

Вторая – народная плясовая песня «Как девица за водой по утру шла...», по мнению Шейна, была еще более распространена и бытовала среди «дворян, дворовых и служивого сословия». Ее начало следующее: «По улице мостовой, / Шла девица за водой...».

В.И. Чернышев в статье «А.С. Пушкин среди творцов и носителей русской песни» (1930) объясняет, почему у Пушкина употреблено слово «тихо», отсутствующее в тексте данной песни. Дело в том, что поэт «не цитировал начало песни, первой и второй, а только указал на это начало в своей стихотворной передаче, вследствие чего и во второй песне у него оказалось слово «по утру», которого тоже нет в вариантах этой песни». Кроме того, Чернышев, вопреки Шейну, считал вторую песню, цитированную Пушкиным, относительно новой плясовой и распространенной более не среди крестьян, а среди дворовых и мещан (91). Иными словами, так же

как и Шейн, Чернышев выделяет специфику фольклора дворовых. И еще очень важное наблюдение ученого. Он, как известный фольклорист-собираатель, лингвист-диалектолог, пишет о разном звучании песен. Так, песня о синице поется, по указаниям старинных песенников, важным и торжественным голосом или, как там сказано, «голосом огромным», а песня «По улице мостовой» имеет «веселый затейливый напев, с резкими переходами тонов и изменениями темпа, интонаций и ударений». Отсюда Чернышев делает вывод, что «если няня Пушкина могла хорошо исполнять подобные разнообразные по напеву песни, то, очевидно, она была искусная певица, до старости владела голосом и знала не только старый, но и новейший песенный репертуар» (92).

Колыбельные песни. Есть все основания считать, что Арина Родионовна пела и колыбельные песни. Об этом свидетельствует стихотворение 1821 года «Наперсница волшебной старины». В нем поэт говорит «о веселой старушке», которая «детскую качая колыбель, / мой юный слух напевами пленила». А какие песни, кроме колыбельных, могла петь женщина, качающая колыбель?

В данной статье были рассмотрены все фольклорные жанры, входившие в репертуар Арины Родионовны. Очевидно, что дальнейшее изучение их фольклористами перспективно лишь в отношении сказок. Можно сказать, что пока существует пушкиноведение, пока фольклористов интересует проблема соотношения фольклора и литературы, изучение пушкинских сказок будет продолжаться.

¹ Сумцов Н.Ф. А.С. Пушкин. Харьков, 1900 (Далее: Сумцов).

² Шейн П.В. Народная песня и Пушкин // Ежемесячные сочинения. СПб., 1900. № 6 (Далее: Шейн).

³ Миллер В.Ф. Пушкин как поэт-этнограф. М., 1899 (Далее: Миллер).

⁴ Трубицын Н.Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. СПб., 1912.

⁵ Азадовский М.К. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л., 1938 В этой книге помещены три статьи по фольклоризму А.С. Пушкина: «Пушкин и фольклор»; «Источники "Сказок" Пушкина» и «Сказки Арины Родионовны».

⁶ Андреев Н.П. Пушкин и народное творчество // Ученые записки института им. Герцена. Л., 1938. Т. XIV. С. (Далее: Андреев)

⁷ Соколов Ю.М. Пушкин и народное творчество // Литературный критик. 1837. № 1. С. 121 – 150 (Далее: Соколов).

⁸ Чернышев В.И. Сказки и легенды пушкинских мест. М.-Л., 1950 (Далее: Чернышев).

⁹ Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959.

¹⁰ Колесницкая И.М. Сказки // Пушкин: итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 437 – 444..

¹¹ Зуева Т.В. Сказки А.С. Пушкина. М., 1989.

¹² Желанский А. Сказки Пушкина в народном стиле. Балда. Медведиха. О рыбаке и рыбке: Опыт исследования по рукописям поэта с двумя фотоснимками. М., 1936. С. 68.

*Сборник статей
по итогам научно-практических чтений*

**ЗДЕСЬ АДРЕСОВ РОДНЫХ
ДЛЯ СЕРДЦА ПРИБЛИЖЕНЬЕ**

ЛЕТОПИСЬ
Санкт-Петербург
2009 г.